

ВЕЛИЧИЕ МАЛОЙ РОДИНЫ.

В своей поэтической рукописи «Моя Орля» Леонард Золотарев верен себе, своему народу. Все то же живое восприятия мира, открытость этической позиции. Сборник встречает читателя стихами о малой Родине. Это тонкая, светоносная лирика. В основе ее – осознание красоты милой сердцу Орловщины, первозданность чувств, которые приобщают нас к гармонии родных полей, лугов, перелесков. Лишь людьми личностными, высокодуховными мы можем созидать и защищать величие родимого края, родного города. Это живо в нас самих, в нашем видении себя во всем огромном и духотворном нашем Отечестве.

*«Враг под Москвой! И, жизни не жалея,
Встаем стеною насмерть за нее...
В первопрестольной – в облике державы
Опять мой город сам себя обрел.
Российский герб – он потому двуглавый,
Что в нем с Орлицей – наш родной Орел!»*

(«Моя Орля»).

Образность неуловимо, через метафорические ассоциации, насыщена до предела эмоцией. Лаконично сказано: «Орел вновь город приграничный», и «грань» проходит по острому, трепетному сердцу поэта. Через любовь к родному городу, родимому краю поэт восходит к истинной Красоте. Творение его, сливаясь с красотой первозданной природы, становится творением рукотворной красоты, хотя реальная жизнь не так уж и гармонична.

*«От жизни современной сатанея,
Все бы ломиться, все бы в непокой»*

(«У храма Михаила Архангела»).

И только высоконравственной, духовной, любящей душой человек способен одолеть внутреннюю дисгармонию, современный дискомфорт.

*«Под куполами тянут к высоте,
Уводя в небо певчие скрижали.
И через шпиль приводят к красоте –
К кресту за горизонт по вертикали»*

(там же).

Создавая свой микромир, осваивая новые среды, обживая невероятные пространства, человек в союзе с природой совершенствует среду обитания, омолаживая себя, продляя свою родословную, которая, к сожалению, бывает так коротка. Вчитайтесь в строки, в них говорится о поистине космической Красоте. Ощутима материальность мира, новые формы бытия приводят нас, по мысли Аристотеля, к еще более организованной реальности. В созерцании Красоты человек обретает счастье, видит себя творцом вечно обновляемой мирозданческой жизни. Метафоричные образы скрижалей как живых стражников эпохи, помогают вникать в смысл этой жизни, который мы ищем все свои недолгие годы.

Зримы, легко узнаваемы в поэзии Леонарда Золотарева приметы родного Орла. Красоту города воспел, помнится, Шарль Бодлер, проникнув в душу родного Парижа. И вот новые авторы дерзают на урбанистическую тему – тему проклятого и такого прекрасного города. На сей раз она звучит вполне оптимистично. Здесь «цветы» уже не во «зле», а в противоречиях по дороге к добру, в иронии. Как же обрисованы сам Орел, его жители? Безусловно, гротескный образ жителей Веселой слободы не утрирует, а лишь оттеняет их энергичную промысловую натуру. Строя жилье, умельцы растаскивают целые заводы, уповая на то, что тащат-то они не куда-нибудь в «Эфиопию», а домой – сюда же, в Россию.

«Три доски за пазуху входили.

Десять бревен – все туда, туда»

(«Веселая слобода»).

В своем деле, эти умельцы хоть куда, сродни лесковскому Левше.

«Тем и живы. У властей не просим,

Создавая наши города»

(там же).

Как не узнать старый орловский «молочный» базар! Вот Ока с ее полуокованными бетоном рыночными берегами, а вот люди по берегам, их подновленная временем психология.

«Я на рынок бегу. Сто рублей на кругу,

А дешевая «астра» сто двадцать.

И стою я, растерянный, на берегу:

- Что же вы личность-то грабите, братцы?»

(«Старый рынок»).

Вот торговцы, ведь такие же люди, как и все мы. Но могут тебя обобрать, а могут и сделать широкий жест. В данном случае поэту дарятся сигареты, на которых «минздрав предупреждает», что «курение вредно для здоровья». Налицо ирония, а не лобовое обличение, что не дало бы эффекта. Ирония же сближает стихи поэта-орловца с живой, ироничной поэзией Превера.

« - Ты поэт? – говорит мне один индивид.

- Да, поэт, - говорю индивиду.

- Где тогда, - говорит, - поэтический вид?

Аварийный ты, кажется, с виду»

(там же).

Пятый год воспевает поэт просто так, как говорится, не за здорово живешь трясогуску – «балерину», «природное диво». И это еще один из нюансов гаммы из тысячи строк. Должно же петь прекрасное! И лучи солнца, и тонкий, едва уловимый юмор – все это свойства гаммы. Вот стихотворение «Пушкари». Пушкарная – местечко Орла, где живут потомки «пушкарей», «проломные головы». Автор рисует портрет маленьких «пушкарей» – природных орловцев, делая это тепло, безыскусно. Шутливый такой, несерьезный, даже игривый тон настраивает на Превера или того же Обалдиа с его стихотворением «Самые лучшие стихи на французском». И далее, по ходу, в стихотворении «Думчино» уже напрямую автор упоминает французские стихи, как деталь, как некий намек...

Поэт говорит об Орловщине, о родном крае, своей малой Родине, но какая амплитуда! С любовью, игрой словами, понятиями самой этой игры, которая часто является основой раскрепощенности, свободного воображения. Реалистично, пожалуй, даже с долей веселости создана эта картина быта пушкарей. Ирония только подчеркивает относительность неустроенности. Быт воссоздается фантазией ученика, пишущего сочинение на тему про родной город. И главные реалии тут – персонажи Бергамот и Гараська из одноименного рассказа Леонида Андреева. Городовой Бергамот и по-нынешнему «бомж» Гараська вспоминаются школьнику как персонажи, созданные некогда именно тут, в родном месте, на той же Пушкарной. Живы, близки, понятны образы мыслям и чувствам самого автора.

Близки поэту и такие известные места Орла, как историческая «стрелка» на слиянии рек, Александровский мост, бунинская библиотека.

«Иду чуть свет к мосту у Александра.

Я – сын охоты, сводный брат зари.

Уду закинул, встал – изогнут странно:

Ну кто кого сейчас перехитрит?»

(«Александровский мост»).

Из строк, от этого Александровского моста, от реки Орлик, несущей под ним мелкие свои воды, от этого прелестного мотива так неожиданен переход к глобальной, трагической, гражданственной мысли о русских в Эстонии, за которых болит и не может не болеть русская душа.

«Уходит леска в смутное бездонье.

И я за леской в бездну ухожу.

Опять я там... я с русскими в Эстонии...

А тут я просто время провожусь»

(там же).

Вот как ширится тема малой Родины, да не такой уж и малой! Чувство сопричастности переходит в чувство семьи единой, единства большого народа. А это чувство уже великой нашей России – родины всех. Жизнь в истории, подвиги ратные и мирные заставляют гордиться, скорбеть, примеряя общую судьбу ко своей. И вот на священной земле Севастополя

«Лежат, синеглазые, смотрят на нас –

Смиренные, в вечном покое.

И конь спотыкается мой каждый раз

О синее море такое.

О самое синее в мире сейчас,

О черное море крутое

Все конь спотыкается мой каждый раз,

О племя страны молодое»

(«Песня о белом камне»).

И великой, осязаемой становится малая Родина, ибо она конкретна, близка, вот она, – и какой же дает магнетизм! Прислонись к раките спиной, к тем же перилам Александровского моста – припадешь к конкретной, родимой земле, когда плохо ей да и когда хорошо. В ней источник всех наших сил и возможностей. Поэтому и храним себя, познавая прошлое, предугадывая будущее. И это уже не просто литература, это уже культура – важнейшая в жизни необходимость. Она не

дает обрести медвежьей шерстью, совершенствуя нас, дает возможность одолевать всякую нечисть в себе, ограниченность.

*«Да, я иду набраться сил!
И плача, и любя,
Здесь, в окружении светил,
Я прихожу в себя»*

(«Библиотека имени Бунина»).

Да, библиотека имени Бунина – одна из достопримечательностей нашего города. Построенное по индивидуальному проекту здание напоминает о военном лихолетье, о послевоенном возрождении, когда Орел был включен в число пятнадцати наиболее пострадавших городов России, и эта библиотека – архитектурная память людям, думавшим и тогда о книге, как о нашей судьбе...

Греют, влекут душу памятные места. От храмов, музеев идет свет, веет Родиной. И Дворянское гнездо воспринимается тоже одной из примет нашего старого города. И судьба наша связана с такими именами, как Тургенев, Лесков, Бунин, Фет и другие.

*«Лесков, Тургенев, Бунин... имена ...
И ряд прекрасен, золотые были ...
Когда бы тили, выпили до дна
Те воды, что их некогда вспоили»*

(«Дворянское гнездо»).

Как видим, с легкой иронией вспоминается поэту набившие оскомину слова Лескова о мелких водах города, вспоивших тут «столько литераторов, сколько не поставил на службу Отечеству никакой другой русский город».

А вот стихотворение «Под Спасским-Лутовиново». Всем известно, что это усадьба Тургенева. Однако как гармонично музыка сливается с достославно памятным местом.

*«Две липы – две кроны у вещега сада.
Вплетается в шепот гобой...
Сюжет на макушке двойной:
Повыше с романсом садится кукушка,
Где джаз – соловей озорной»*

(«Под Спасским-Лутовиново»).

Строки несут радость! Душа парит, поет вместе с птицами!

И еще одна особенность поэзии Леонарда Золотарева – навеять настроение не только звуком, музыкой стиха, но и создать настроение умением заглянуть в глубины духа.

*«Деревья умирают – время года
Когда перестают вдруг различать...
А человек – так не способен удивиться»
(«В Клейменово»).*

Если «деревья умирают стоя», то человек – лежа, когда перестает быть творцом. Когда его уже не может волновать ни сама естественная природа, ни преобразованный им же город. Когда он не находит сил в себе для удивления жизнью. Такова эстетика нашего «серебряного века», отзвук французской поэзии, воспринявшей заветы Шарля Бодлера искать новое, удивительное, удивляющее.

Вместе с автором нас удивляет земная и неземная красота малой Родины, просветляющая нас любовью.

*«Лечу-лечу на землю с поднебесья,
На шорох трав, в сиреневость свою.
Вы спросите, зачем мне эти песни?
А не скажу, я просто их пою».*

И это – состояние души, называемое лиризмом. А вот как лиризм рождается от встречи с малой речкой Алешней.

*«Алешня в пойме, травяной настой.
Страна ракет в березовом краю.
Купался тут когда-то Лев Толстой,
И я мочу ременную шлею»
(«Алешня»).*

Развернутая метафора, сильный эпитет углубляют, осовременивают смысл, будят воображение.

*«Неси, Алешня, рук моих тепло
В огромный Ледовитый океан»
(там же).*

Гамма из тысячи строк Леонарда Золотарева музыкальна. И слог, фраза, образность слов незаметно переходят в самую музыку – в песню. Вот они, эти рит-

мически организованные миниатюры, ставшие песнями, они выделены особо: «Степная песня», «Песня об Орле», «Графская пристань», «Песня о белом камне», «Ракитушка» и другие. Автор выплеснул свое настроение не только в мелодию слова, но, что интересно, укрепил эту мелодию слов, написав к тексту музыку – к песням, которые сам же и поет. И, хотя первоначально музыка шла от текста, сейчас уже неразличимо первичное. Стихия звуков, сами мелодии не повторяют друг друга, у каждой своя интонация, свое настроение, своя лирика и драматургия. Эта священная музыка поэта, она выражается песней одной души, написанной, однако, для всех.

*«Орел, Орел мой,- в этом слове
Ласкает душу мне и слух –
Боянный в речевой основе –
Наш русский гений, русский дух»
(«Песня об Орле»).*

*«А степь – а степь, а степь – а степь
Широкая...
А ключ – река, а небо синеокое,
Глубинка русская моя»
(«Степная песня»).*

Тем и хочется завершить слово о первой части сборника – величии малой Родины, о гражданине ее, в сердце которого одинаково велики все села и веси ее, крупные и малые города России.

И далее вполне естественен переход ко второй части – свидетельству духовного взлета, концентрации духа, - вот что главное! Человек – творец, он создает вокруг себя среду, где и формирует чувство прекрасного. В таком идеализированном мире пробуждается личностное, происходит становление Личности. Позиция превращается в тайнопись сердца, в таинственную работу души. Поэт разгоривает уже с вечностью, приобретая пророческие черты.

*«У поэтов женская натура.
Тонкость, обнажение, любовь
Вовлекают в квадратуру круга,
В круговерти сферы голубой»*

(«Мой квадрат»).

Известно, что квадрат у пифагорейцев означал не столько пустоту, сколько мир, где суждено, пребывая духу, зародиться Вселенной. В таком смысле мы и воспримлем поэтов как демиургов, творящих собственную Вселенную. Налицо общение с иными мирами, пребывание в неизвестном доколе космосе, в мире, который ныне родственен.

«И монада улыбалась странно

Из глубин мистических декад»

(там же).

«Монада», рожденная миром поэта, проглядывается из глубин. Весь этот миф так естественно переводится на поэтический язык. Поэт обращается в библейским заповедям. Это обобщенный опыт человечества, этический и эстетический круг. Это поэзия откровений и сокровений. Проникая не столько в тайны практической жизни, сколько в тайны исканий, желаний и сомнений:

«Пройти человеком такую дорогу,

Чтобы не опустел оком»

(«Десять заповедей», Заповедь первая).

Человек идет по терниям, как бы ни был труден путь, невозможно забыть о предназначении. Человек посвящен, у него высокий удел, однако не следует творить себе кумиров, дух должен оставаться свободным.

«Обремененный суетой

Не жди от Неба воли ясной,

Сам на земле потверже стой».

В десяти заповедях библейских – тысячелетний опыт человеческого самопознания. Как это выразить достойно? Автором сохранено безбрежное, многократное эхо от вечного, титанического поиска слова. Когда мысли и образы древности поэт облакает в самую сотворенную форму, ту форму – когда слово все, и ничего больше.

«Не убий, не убий, не убий!

Ни телесно и ни духовно»

(Заповедь шестая).

Автор осмысляет заповеди применительно к настоящему. Такие идеи не утрачивают актуальности, это вечные мысли, они злободневны во все времена. И

библейские заповеди выливаются в «Заповеди блаженства». Это о них – квинтэссенции духа директор Пушкинского музея – заповедника С.Гейченко на одном из писательских съездов, в Колонном зале в Москве, сказал, что Пушкин «знал эти заповеди и претворял их в своем творчестве». Отсюда у поэта такая естественность, гармония, высота, и эти все десять заповедей библейских - Леонарда Золотарева – работа скорее из области совести. «Десять заповедей блаженства» – это уже работа над формой. Автор не упростил высокого смысла, только сделал их ближе для восприятия.

*«Блаженны те, кто в духе высшем
В Небесном Царстве ищут пищи»*

(«Заповеди блаженства», Заповедь первая).

В «Заповедях блаженства» рисуется картина земного счастья, которое дается многовековой мудростью, соучастием, состраданием.

*«Возьми, о Небо, нашу болесть
И успокой нам душу, совесть»*

(Заповедь вторая).

Христианские «Заповеди блаженства» в переложении поэта входят в душу, дают поддержку, становятся частью эстетики, культуры.

Цикл стихотворений о камее, далее в сборнике, посвящен красоте, любви к женщине.

*«Из фимиама утонченных линий
В оливково-магнолевый рассвет
Вдруг канул нежно синий-синий иней –
Лик эфиопки, маленький портрет»*

(«Камея»).

Какова эстетика слова – прозрачность и точность, оригинальность! Сопоставление высекает неожиданные ассоциации. Достигнут эффект уникальности. Лик эфиопки на камее вызывает восторг.

*«И понял я, душа не умерла»
(там же).*

Душа жива, человек не перестает любить, несмотря ни на что.

*«И понял я, чего нам не хватает,
Так это ласки, нежности, игры.*

*Откуда им, когда мой айсберг тает
И правят бал мои антимирры»
(«Нежность»).*

Да, мир жесток, но нежность девичества, красота материнства преображают. Лик эфиопки, вырезанный на камне, возможно, еще в Древнем Египте, оживает любовь. Поэт ощущает те же ассоциации, испытывает те же чувства. И сказано это лаконично, лапидарно - это строки на камне. Сказано все, и в то же время недосказанность углублена многозначностью.

*«Преобрази, волшебная камешка!
Чтоб не упасть опять и не разбиться,
А терракотой новой разразиться...»
(«Кричащий глаз»).*

Красота слога вдохновлена жившей и живущей женщиной. Поэт ищет гармонию, новые способы созидания, и это дает возможность торжествовать, даруя любовь, искать счастье в мире, где женщину

*«Пока еще пророки не сгубили»
(«Семеро борзых»).*

Однако соблазны слишком велики. Устоит ли человек? Красота природы дает на это надежду.

*«Плыву в ладье, не смея и вздохнуть,
Через все небо, через Млечный Путь»
(«Волосы Вероники»).*

*«Да женщина, кораллами лаская,
Смеется, от себя не отпуская.
А все она, распутная камешка»
(«За порогом»).*

Такова взаимосвязь между природной красотой и красотой, созданной самим человеком, как главная поэтическая мысль, выраженная в цикле стихов «Камешка в июле».

И наконец, об «Апостольских камнях». Это венок сонетов. Это уже о такой глубине, когда знания переходят в тайнознание, автор владеет провидческим даром. Мистика преодолевает грань, и жизнь души раскрывается интуицией в пред-

чувствиях и озарениях. Поглощая солнечную энергию, драгоценные камни влияют на судьбу, придавая силу, указывая на слабости. Если сонеты о красоте камней обладали чистой энергией, то этот венок – скорее поэзия пророчества, читающего судьбы, «Апостольские камни» символизируют душу, испытывающую воздействие камня. И если в цикле «Камея в июле» красота чиста в своей таинственности, непревзойденности, то красота в «Апостольских камнях» своим живым теплом, солнечной биоэнергетическим фатумой, влиянием камней на природу вещей, вершит фатальность судьбы.

*«Робея, с камня считывал скрижали.
Аквамарин – под цвет морской волны.
То зеленой – взглянуть со стороны,
То голубей, темнеет от печали.
Оберегай судьбу, аквамарин!»*

(«Аквамарин»).

Перевернута последняя страница «Моей Орлеи». Поэзия малой Родины Леонарда Золотарева обогатила ли нас? Сборник, открытый стихами о родном Орле и любимой Орловщине, поднимает ли нас? Расширилась ли амплитуда величия малой Родины – ввысь и в корень, в земное и небесное? Все вроде как в традиционном образе милой сердцу русской березки, крона которой упирается в небо, а корни где-то во глубине. И все-таки нет, не совсем это традиционно. Ибо слово духовно и светоносно, таинственно у Леонарда Золотарева. Оно рождено любовью, тонкой, проникновенной, мудрой энергией, аккумулирующей солнечное тепло. «Апостольские камни» лишь передают все это, влияя на наши судьбы, опозтизированные словом.